

**А.К. Данто и П. Рикёр:
Повествование как способ познания истории***

Б.Л. Губман

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ теорий исторического повествования А.К. Данто и П. Рикёра. Синтетическое освоение Рикёром воззрений Данто интерпретируется как характерный феномен диалога герменевтики и аналитической философии, а в более широкой перспективе – современной европейской континентальной и англо-американской философских традиций. Вариант аналитической философии истории, разработанный Данто, трактуется как сложившийся в русле преодоления эпистемологических установок логического позитивизма под влиянием платформы лингвистической философии, прагматизма и неопрагматизма, а также перспективизма Ф. Ницше и идей экзистенциализма. Рассмотрены основополагающие выводы «дескриптивной метафизики» истории Данто, оказавшие влияние на понимание им эпистемологических особенностей и онтологических допущений, характерных для исторической наррации. На поздней стадии эволюции своей философии истории Данто заговорил о радикальном вызове своим построениям со стороны воззрений Т. Куна, но так и не дал на них конструктивного ответа. Показано, что, несмотря на существенные философские расхождения, многие из моментов теории исторического повествования Данто, пришедшего в итоге своих размышлений к осознанию влияния на познание минувшего самого способа бытия человека в истории, оказались близки Рикёру. Исходя в целом при построении своих воззрений на теорию наррации из идей М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, Рикёр серьезно воспринял и «лингвистический поворот» в философии, инициированный Л. Витгенштейном. Позитивно оценивая анализ языка истории, предпринятый Данто, Рикёр справедливо критикует его за невнимание к формальным инструментам организации нарратива – сюжетной линии, интриге, композиции, которые накладывают свой отпечаток на его познавательные ресурсы и свидетельствуют о единстве истории и художественной литературы.

Ключевые слова: нарратив, история, спекулятивная философия истории, лингвистический поворот, герменевтика, аналитическая философия истории.

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века», грант № 17-33-00047.

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета.

gubman@mail.ru

<http://orcid.org/>

Цитирование: *Губман Б.Л.* (2018) А.К. Данто и П. Рикёр: повествование как способ познания истории // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 143–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge*

B.L. Gubman

Tver State University, Tver, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Original research paper

Summary

The article comparatively analyzes A.C. Danto's and P. Ricœur's theories of historical narration. Ricœur's synthetic assimilation of Danto's views is interpreted as a characteristic phenomenon of the dialogue between hermeneutics and analytical philosophy, and in a broader perspective – of contemporary European continental and Anglo-American philosophical traditions. The version of the analytical philosophy of history developed by Danto is interpreted as being formed in the course of overcoming epistemological program of logical positivism under the impact of a platform of linguistic philosophy, pragmatism and neo-pragmatism as well as F. Nietzsche's perspectivism and the ideas of existentialism. The article examines fundamental conclusions of Danto's "descriptive metaphysics" of history, which influence his understanding of a number of epistemological factors and ontological assumptions specific for the theory of historical narration. At the late stage of the evolution of his philosophy of history, Danto spoke of a radical challenge to his views on the part of T. Kuhn's theory, but he did not give to it a constructive answer. Despite the significant philosophical differences, a number of Danto's historical narration theory's theses became acceptable for Ricœur, especially in the light of the American colleague's final confession that knowledge of the past is dependent on the kind of existential presence in history specific for a human being. Taking M. Heidegger's and H.G. Gadamer's ideas as a basis of his approach to narration problem,

*The article was prepared for publication within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) "The linguistic turn and historical knowledge as a problem of Western philosophy of the second half of the 20th – early 21st century," grant no. 17-33-00047.

Ricœur considered also important the “linguistic turn” initiated by L. Wittgenstein. Offering a positive evaluation of Danto’s analysis of history language, Ricœur simultaneously rightly criticized him for his neglect of the formal instruments of organizing of narrative – plot, intrigue, and composition that should affect the knowledge resources and testify on the unity of narration features in history and fiction as well.

Keywords: narrative, history, speculative philosophy of history, linguistic turn, hermeneutics, analytical philosophy of history.

Boris Gubman – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of the Tver State University.

gubman@mail.ru

<http://orcid.org>

Citation: Gubman B.L. (2018) A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 143–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Введение

При всей очевидной полярности философских платформ герменевтики и аналитической философии истории второй половины XX – начала XXI вв., их роднит стойкий интерес к феномену исторического повествования как особым образом организованному способу познания и фиксации свершившихся во времени и значимых для настоящего событий, который отличен от теоретического постижения в синхронии феноменов природной и социокультурной реальности. В перспективе обсуждения проблемы исторического нарратива намечается весьма примечательная тенденция диалога этих направлений современной мысли, пожалуй, наиболее ярко представленная именами А. Данто и П. Рикёра. Хотя Данто прямо никогда не обращался к идеям Рикёра, многие положения его теории повествования оказываются в конечном итоге чреватые герменевтическими выводами, что позволяет Ф. Анкерсмицу говорить о существовании тренда «аналитической герменевтики». Рикёр, напротив, принимает многие положения теории наррации Данто, ссылаясь на нее в своих поздних произведениях, посвященных этой проблематике. Попытаемся проследить в сравнительной перспективе черты сходства и различия, возникающие при разработке Данто и Рикёром проблемы повествования как особого способа постижения истории, укорененного в специфике человеческого существования во времени.

А. Данто о логике повествования о минувшем и истоках его историчности

Проблема исторической наррации была поставлена и решена Данто на платформе аналитической философии истории в радикально новом для этого направления ключе, поскольку он попытался показать зависимость любого предложения о прошлом от целостности конструируемого рассказа об определенном его сегменте, который создается автором в настоящем, открытом будущему. Логико-эпистемологическая задача такого рода несомненно предполагала и выдвижение некоторых критически обосновываемых онтологических допущений о природе воспроизводимых в повествовании исторических событий. Сама по себе постановка проблемы повествования как центральной для понимания природы постижения истории несомненно является плодом «лингвистического поворота» в западной философии, инициированного Л. Витгенштейном [Блауберг 2012, 3–7; Кукарцева 2006, 44]. Свою собственную задачу по созданию философской теории исторического повествования Данто определяет в языке П.Ф. Стросона как построение «дескриптивной метафизики истории» [Danto 2007, XV]. Язык исторического повествования для Данто оказывается ключом к тем реалиям, о которых может говорить историк. Ко времени выхода в свет фундаментального труда Данто «Аналитическая философия истории» (1965), впоследствии ставшего основой другого его крупного произведения на этот сюжет «Наррация и познание» (1985), были опубликованы работы по теории исторического повествования У. Уолша, У. Дрэя, М. Уайта и других философов-аналитиков. Однако именно Данто, как справедливо констатирует Ф. Анкерсмит, первым указал на специфику временной организации наррации как целостности и связи ее с деятельностью автора, что позволяет говорить о родстве его воззрений на этот сюжет с «историей действия» Х.-Г. Гадамера [Ankersmit 2007b, 366].

Подход Данто к разработке теории исторического повествования выглядит как попытка пересмотра видения в качестве главного звена эпистемологии истории проблемы объяснения событий минувшего сквозь призму модели «охватывающих законов», разработанной К. Поппером и К. Гемпелем. Не отбрасывая этой значимой для всей предшествующей аналитической философии истории тематики, Данто инкорпорирует ее в свою нарративистскую концепцию. Вдохновляясь примером философии позднего Витгенштейна и его последователей, он одновременно находится под очевидным влиянием прагматистских

построений Д. Дьюи, К.И. Льюиса, Ч. Бирда [Ануфриева 2018, 146]. На способ его теоретизирования, как признавался он сам, значительное воздействие имели и идеи У. Куайна, в частности, его критики догм эмпиризма, видения языка как целостности и проблемы перевода. Читая сквозь призму аналитической установки европейскую континентальную мысль, Данто не остался равнодушным к перспективизму философии познания Ф. Ницше и платформе экзистенциализма. На позднем витке его творчества он заявлял о непреходящем значении постпозитивистской доктрины Т. Куна, открывшей парадигмальность как основополагающую характеристику научного видения мира.

Подобно К. Попперу, Данто полемизировал с субстанциалистскими концепциями исторического процесса, предполагающими возможность раскрытия единого начала истории, его законосообразности и телеологической «запрограммированности», а также возможность разгадать смысловую направленность социокультурного развития во времени, предрекая будущее в глобальных пророчествах. Дистанцируясь таким образом от классического «историцизма», наиболее ярко представленного в построениях Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, Данто полагал задачей аналитической философии истории раскрытие специфики того способа описания прошлого, который задан самим способом его языковой фиксации.

Собственный эпистемологический подход Данто рассматривал как «реалистический», предполагающий тенденцию исторического познания в конечном итоге рассматривать свершившиеся события как неизменные. Сказанное отнюдь не означает, что он принимал возможность видеть событие минувшего вслед за Л. фон Ранке «как оно действительно случилось». Момент зависимости исторического познания и воплощающих его повествовательных структур от устремлений познающего субъекта, возникающих в настоящем, Данто констатирует со ссылкой на теоретические построения Д. Дьюи и презентистскую трактовку задач истории Ч. Бирда.

Усматривая родство подхода к специфике исторического познания Бирда и других историков-презентистов с перспективизмом Ф. Ницше и воззрениями Б. Кроче, Данто не соглашается с тем, что постижение минувшего несет в себе большую долю субъективистского конструктивизма, игнорирующего объективные эмпирические данные, нежели это происходит в естествознании. «Различие между историей и наукой, – заключает он, – состоит не в том, что история использует, а наука не использует организуемых схем, выходящих за пределы данного. Их использует и та и другая. Различие проявляется в организационных схемах,

используемых каждой из них. История рассказывает истории» [Danto 2007, 111]. Бирд, на взгляд Данто, остается в плену той эмпирико-индуктивистской модели научного знания, которая была предложена Ф. Бэконом и предполагала, что избавление от «призраков», одолевающих человеческое сознание, способно привести естествоиспытателя к лишенному тенденциозности обобщению фактов. Данто считает такой подход иллюзией, ибо ни ученый, теоретизирующий относительно различных природных феноменов, ни историк, конструирующий повествование о событиях минувшего, не в состоянии уйти от идеализации имеющихся данных, создавая «зеркальное отображение» сути изучаемых событий в их синхронии или диахронии.

Историческое повествование – нарратив всегда организован, как представляется Данто, как некоторая целостность, описывающая избранную историком цепь событий прошлого, соотнесенного с моментом настоящего, в которое погружен автор рассказа. При этом элементарной единицей повествования о прошлом оказывается нарративное предложение, рассказывающее о некотором событии или совокупности таковых. Уже на уровне единичных исторических нарративных предложений, описывающих свершившееся, обнаруживается их парадоксальная отнесенность к прошлому и будущему. Для них характерен не только момент констатации свершившегося события, но и временная форма фиксации осуществления такового. Данто приводит в качестве примера такого рода предложения следующее: «Тридцатилетняя война началась в 1618 г.». В нем не только констатируется дата начала этой войны, но также латентно присутствует знание об итогах и времени завершения таковой.

Данто справедливо полагал одной из центральных тем эпистемологического анализа наррации вопрос о смысле и значении отдельных исторических предложений. Поскольку прошлое актуально не существует и может быть лишь реконструируемо, смысл временных исторических предложений оказывается, с его точки зрения, в целом определяемым их возможной эмпирической подтверждаемостью, тогда как оценка таковых в плане их истинности или ложности может осуществляться в результате верификации на базе свидетельств. В этой связи Данто обращается к идеям прагматизма К.И. Льюиса, утверждавшего, что предложения о прошлых событиях прямо эмпирически не верифицируемы, а проверяются с использованием свидетельств в настоящем и будущем. Льюисом была выдвинута идея временного континуума, объединяющего прошлое, настоящее и будущее, в который включен объект истории. Не принимая трактовки объекта исторического познания Льюиса, Данто не может отрицать корректности его

рассуждений о способе подтверждаемости во времени исторических суждений. Он не приемлет также концепции подтверждаемости исторических предложений в сослагательном наклонении А. Айера, который исходил из возможности потенциального допущения присутствия субъекта опыта во время свершения события. В итоге, следуя за Кантом, Данто говорит о логической продуктивности выделения фактуального содержания и временной формы суждений. Исторические суждения представляются ему верифицируемыми отдельно относительно констатируемых ими событий и временных обстоятельств их свершения.

Особый случай, на взгляд Данто, представляют собой те темпоральные исторические суждения, которые наделены смыслом, но прямо не верифицируемы [Данто 2002, 66]. В качестве примера для иллюстрации своей мысли он избирает предложение: «Восхождение Петрарки на Ванту символизирует начало Возрождения». Его анализ приводит к заключению, что ни само описание восхождения на Ветреную гору близ Авиньона в апреле 1336 г., содержащееся в письме Петрарки к другу, ни свидетельство его брата Джерардо, совершившего с Петраркой этот подъем на вершину, не могут рассматриваться как основания трактовки этого события как начала Ренессанса. Символический смысл этого достоверного события конвенционален и подтверждается лишь его отнесением к более широкому социокультурному контексту. И здесь построения Данто входят в поле тяготения воззрений Витгенштейна и Куайна.

Хотя специфика рассказа о минувшем «высвечивается» уже в индивидуальных исторических предложениях, содержание того или иного целостного нарратива, посвященного раскрытию определенной проблемы, отнюдь не сводится к их совокупности. Поэтому, как верно подмечает Данто, применительно к историописанию столь важными выглядят вопросы соотношения истории и хроники, объяснения рассматриваемых событий, правдивости повествования о них.

Проблема взаимосвязи истории и хроники рассматривается Данто, как и многими его коллегами по аналитической философии истории, отправляясь от трактовки их соотношения Б. Кроче. Последний рассматривал хронику как непредвзятое описание событийного следования, того что произошло в прошлом, тогда как история виделась ему несущей на себе печать современной ситуации, преломленной через разноплановые интересы и познавательную установку историка. Данто вступает в резкую полемику с такого рода воззрениями, последовательно демонстрируя невозможность создания хроники исторических явлений, не затронутой интересами ее автора. Реальный процесс повествования о про-

шлом всегда предполагает отбор запечатлеваемых событий, ибо перечисление всего, что произошло в истории, операционально неосуществимо для человеческих существ обзирающих ее ход сквозь временной горизонт. Идеальной хроники, и в этом можно согласиться с Данто, нельзя сотворить, не обладая универсальной перспективой, доступной по определению лишь Богу.

Создание человеческим существом повествования об определенном отрезке событий истории предполагает набор событий, которые, по мысли Ч.С. Пирса, фиксируются историком как «неотменяемые», но сам момент наррации предполагает указание на последующие события, сопряженные с ними. Череда событий между интересующими нас «неотменяемыми» событиями минувшего дополняется новыми и новыми событиями, поскольку настоящее неминуемо переходит в прошлое и чревато будущим. Хотя Данто и выразил свое несогласие с представлением Льюиса о континуальности исторического объекта от прошлого до настоящего, его собственные выкладки относительно природы исторического повествования заставляют не только сформулировать схожее эпистемологическое заключение о прочтении прошлого через момент настоящего и будущего при освоении новых свидетельств источников, но и, следуя пафосу «дескриптивной метафизики» истории, сделать напрашивающийся онтологический вывод о постоянном «уплотнении» исторического прошлого в связи с «отмиранием» настоящего. По сути такой ход исторического мышления в одинаковой мере диктует работу как по написанию исторического повествования, так и хроники.

Данто солидаризируется с заключением Дьюи относительно инструментального характера знания и полагает возможным рассматривать в этой перспективе и процесс создания исторического повествования. Он заключает, что «исторический инструментализм почти несомненно корректен» [Данто 2002, 82]. Обращение к истории, как не без основания замечает он, связано с тем, что мы не в состоянии описать настоящее, не характеризуя его предикативно в понятиях, предполагающих отнесение к прошлому. Язык при описании ситуаций настоящего в смысловом и референциальном планах адресует нас к событиям минувшего.

Организуя пространство повествования, историк, как верно утверждает Данто, не только выстраивает цепь значимых для него событий, но и объясняет таковые. Модель исторического объяснения К. Поппера – К. Гемпеля позволяет, на его взгляд, понять, как происходит подчас не только развернутое, но и латентное объяснение интересующих историка событий путем подведения их под генерализации «охватывающих законов». Такого рода объяснительная процедура рисуется Данто своеобразной «скре-

пой» сопрягающей события, включенные в рассказ, зачастую оказываясь «за кадром» самого повествования. Хотя трактовка Данто природы «охватывающих законов» как различного рода генерализаций, применимых для объяснения исторических событий, обсуждение их вероятностного характера и соотношения с динамическими номологическими обобщениями и ряд других поднимаемых им вопросов выглядят в высокой степени дискуссионными. Несомненно заслуживает позитивной оценки развиваемая им концепция соподчиненности разнопорядковых объяснительных цепей. Весьма нетривиально звучат и его построения, касающиеся корреляции объясняемого с присущим ему способом описания событий и объясняющих посылок в контексте исторической наррации.

Если отдельные исторические предложения, входящие в состав нарратива и запечатлевающие события прошлого, проверяемы на базе свидетельств источников, то вопрос о достоверности повествования как некоторой целостности выглядит гораздо более сложной проблемой. «Полное описание, – заключает Данто, – таким образом, предполагает, что оно организовано в виде повествования, а подобную организацию описания создаем мы сами. Не только это, но само использование повествовательной организации предполагает непреодолимый субъективный фактор» [Данто 2002, 138]. Действительно, даже высокая степень достоверности присутствующих в нарративе фактуальной канвы и разнообразия объяснения событий не дают гарантии раскрытия произошедшего во всей полноте. Подчас, появление ранее неизвестных свидетельств источников может пролить новый свет на происходящее. Теоретическая интерпретация, ее ценностно-мировоззренческие основания также способны сформировать иной облик повествования.

Идея парадигмальности развития научного знания в ее формулировке Т. Куном, по признанию Данто, произвела огромное влияние на его видение задач эпистемологической рефлексии. Вместе с осознанием парадигмальности развития научного знания очевидным становится, что именно история является своеобразной матрицей понимания его трансформации. После появления работ М. Фуко, предложившего собственный вариант генеалогии как «археологии познания», мир идей предстал, по мысли Данто, как порождение «воли к власти», побуждая к видению науки как «слишком человеческого изобретения». Такое видение, разумеется, предполагает и рассмотрение самого исторического знания как парадигмально оформленного и всецело исторически заданного. «То, что я хочу сказать, – констатирует Данто, – сводится к следующему: поскольку взгляды исторически индексированы,

вследствие чего, иными словами, миры исторических существ проникнуты их историческими локальностями, новая философия истории является по сути новым нашим самопониманием как всецело исторических существ» [Danto 1995, 85]. Сказанное означает, прежде всего, что философия наррации должна обратиться к анализу типов исторического мышления, его парадигм, фиксируемых историографией. Данто много говорил об этом важном моменте, который должен реализоваться в границах историософии нового типа, но в его устах такого рода суждения звучат лишь как прогноз грядущего.

Одновременно заключение Данто о людях как «всецело исторических существах» следует рассматривать как шаг в сторону необходимости осознания экзистенциальных истоков рассказа о минувшем [Ankersmit 2007a, 180]. Недаром он заключает одно из своих интервью прогнозом, что философия истории грядущего, не утратив своей аналитической функции по отношению к историописанию, «будет иметь дело с историей как способом бытия» [Доманска 2010, 266]. Эта мысль Данто может рассматриваться как своеобразная декларация о важности диалога аналитической и герменевтической теорий исторического повествования.

Экзистенциальные основания и структура исторического повествования в герменевтике П. Рикёра

Обращаясь к проблеме исторического повествования, Рикёр рассматривает его изначально в ракурсе герменевтического подхода. По сути его вариант видения этой проблемы исходит из идеи о повествовании как необходимо и неизменно сопровождающем человеческое присутствие в мире, т.е. исходной точкой его интерпретации феномена наррации оказывается именно тот момент, который стал финалом размышлений по этому поводу Данто. Именно онтология существования человека во времени, воспринятая Рикёром в духе ее трактовки М. Хайдеггером, как подчеркивает И.С. Вдовина, оказывается отправным звеном его видения специфики исторического повествования в таких значимых произведениях последнего периода его деятельности, как «Время и рассказ», «Я-сам как другой», «Память, история, забвение», «Справедливое» и др. [Вдовина 2009, 283–287]. Попытка связать подход феноменологической герменевтики к познанию истории с идеями видения этой проблемы, возникшими в аналитической философии, глубинно сопряжены с устремлениями «позднего» Рикёра к обнаружению возможности установления диалогических контактов между континентальной европейской и англо-американской философскими традициями. Они объяс-

нимы, по-видимому, его самоощущением «посла» французской интеллектуальной традиции в американской университетской среде. В ряду других крупных теоретиков англо-американской аналитической философии истории Данто становится для него одним из главных мыслительных партнеров, с которым он ведет диалог о специфике исторического повествования в своих поздних трудах.

Подход Рикёра к вопросу о специфике исторического повествования связан с обнаружением его глубинной онтологической укорененности в существовании человека во времени, в intersубъективных связях, сопрягающих людей и конституирующих различные культурно-исторические миры на базе индивидуальной и коллективной памяти. Характерно, что при постановке вопроса о специфике нарративного дискурса Рикёр полагал необходимым обратиться к стратегии, предложенной в теории языковых игр Витгенштейна: «Если в перспективе использования словаря Витгенштейна повествование является уникальной “языковой игрой” и если языковая игра “являет собою вид деятельности или форму жизни”, то тогда мы должны спросить, с какой формой жизни связан нарративный дискурс как целое» [Ricoeur 1982, 274]. Выяснение функции нарратива изначально рисуется Рикёру как связанное со способом его формальной организации, смысла и референциального значения, отнесенности к реалиям индивидуального и социального существования человека. Одновременно тема «формы жизни», сопутствующей языковой игре, воплощенной в повествовании, заставляет задуматься об обусловленности таковой онтологией существования человека во времени.

В большинстве европейских языков совершенно неслучайно наблюдается полисемия слова «история». Рикёр подмечает, что под историей подразумевается как цепь событий, случившихся во времени, так и рассказ о них. Кроме того, эти два значения слова «история» подразумевают и третье – историчность человеческого существования. «Иными словами, – заключает Рикёр, – форма жизни, к которой относится нарративный дискурс, является самим нашим историческим состоянием» [Ricoeur 1982, 288]. Задача философского анализа исторического дискурса представляется ему как раз и состоящей в том, чтобы показать финальную обусловленность исторической наррации ее укорененностью в онтологии человеческого существования во времени. Рассуждая таким образом, Рикёр приходит к трактовке повествования как особой формы описания констатируемого Хайдеггером состояния «заброшенности» человека в мир. Теория действенно-исторического сознания Х.-Г. Гадамера, на его взгляд, развивает этот тезис как

значимый для понимания специфики постижения прошлого с позиций настоящего [Kearny 2004, 214].

Рикёр полагал, что нарративная артикуляция существования человека во времени происходит при посредстве никогда не завершающейся процедуры мимесиса, запечатлевающего исторический опыт. Им выделяются три взаимодополняющих друг друга фазиса миропонимания, существующих на этой основе. Предпонимание мира действия, его структурных, символических и временных характеристик осуществляется на основании Мимесиса-1, который создает потенциальную возможность постижения смысла событий, запечатлеваемых в историческом или художественном повествовании. Рассуждая об особенностях построения наполненных смыслом и конструируемых рассказчиками исторических и вымышленных художественных миров Рикёр связывает их создание с Мимесисом-2 как особой стадией конфигурации герменевтического опыта. И, наконец, Мимесис-3 являет собой особый фазис рефигурации опыта при освоении потенциальным читателем или слушателем определенного текста. Предпонимание выступает своеобразной опорой, на базе которой, по Рикёру, осуществляется процесс структуриации художественного и исторического повествования, оформление его смыслового и референциального содержания. На последней выделяемой им стадии «срабатывают» интерсубъективные связи с читателем. Таким образом, Рикёр конкретизирует тему функционирования действенно-исторического сознания как основы конституирования и постижения истории.

Творчество Данто привлекло внимание Рикёра именно в связи с необходимостью подробной разработки темы конфигурации герменевтического опыта в процессе построения исторического повествования наряду с идеями других представителей аналитической философии истории. Обращаясь к ней, Рикёр подчеркивает, что вариант аналитической философии истории, созданной Данто, сфокусирован на специфике описания прошлого сквозь призму языка, задающего способ не только познавательного отношения к минувшему, но и своеобразной рефлексивной онтологии свершения событий в динамике взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. «Но именно такого типа вопросов, согласно Данто, – замечает Рикёр, – старательно избегает эмпиризм, которому известны только глаголы в настоящем времени, соответствующие высказываниям о восприятии. Лингвистический анализ предполагает, таким образом, метафизическое описание исторического существования» [Рикёр 1998, 166–167]. Речь в этом случае идет о том, что априорной организации описания мира, заданной повествовательными конструкциями, сопутствуют некоторые онтологические проекции видения вершащейся во времени истории.

Развитие концепции аналитической философии истории Данто было, как отмечалось выше, сопряжено с реализацией идей дескриптивной метафизики Стросона, впитавшей многие установки философии Канта. В герменевтической концепции Рикёра также прослеживается идея о существовании априорных правил в границах intersubjectively используемых дискурсивных форм, хотя при этом не исключается экстралингвистическая референция [Рикёр 2008, 48–51]. Возможно, именно поэтому ему достаточно близки построения Данто с их стросонианским пафосом дескриптивной метафизики. Рикёр не без основания полагает, что для такого способа аналитического теоретизирования «анализ наших способов мышления и говорения о мире и дескриптивная метафизика взаимно обратимы» [Рикёр 1998, 290]. В итоге он считает возможным констатировать: «В этом вопросе аналитическая философия больше сближается с герменевтической философией, хотя последняя охотнее следует от объяснения исторического бытия к языку, соответствующему этому историческому бытию» [Рикёр 1998, 290]. Сказанное со всей очевидностью говорит о том, что Рикёр склонен принять в ракурсе герменевтического переосмысления не только способ аналитического рассмотрения исторических предложений в контексте нарратива, но и онтологические обобщения, сопутствующие таковому.

Приветствуя «квазикантианский поворот», осуществленный Данто, Рикёр подчеркивает его значимость для критики субстанциалистской философии истории, притязующей на видение целостности исторического процесса. Любые философско-исторические конструкции классического типа полагают возможным описывать будущее предикативными средствами, которые сформировались в прошлом, отрицая возможность рождения чего-либо нового и радикально отличного от существующего. Такое видение, и в этом Рикёр абсолютно солидарен с Данто, совершенно лишено логического оправдания. Кроме того, если мы принимаем разработанное Данто истолкование повествовательного предложения, то оказывается, что ни одно из свершившихся событий, пока существует человеческая история как процесс, мы не в состоянии окончательно охарактеризовать. С этим выводом Рикёр также солидаризируется, хотя для него как в своей основе религиозного мыслителя расставание с самим притязанием целостного взгляда на историю выглядит достаточно противоречивым. Ведь тогда мы должны усомниться и в возможности рационально-теологической ее интерпретации как целого.

В принципе Рикёр не выражает какого-либо несогласия с трактовкой Данто индивидуальных исторических предложений как основания нарратива. «Таким образом, – пишет он, характеризуя общую для них платформу подхода к такого рода предложениям, –

в повествовательном предложении подразумеваются три временные позиции: позиция описываемого события, позиция события, по отношению к которому описывается первое событие, позиция нарратора; две первые касаются содержания высказывания, последняя – его формы» [Рикёр 1998, 169]. Исторические суждения, – и в этом Рикёр видит несомненное достижение Данто, – должны быть поняты как содержащие подобного рода двойную референцию и обладающие подвижным смыслом относительно их места в целостной нарративной структуре от лица ведущего рассказ субъекта. Одно и то же событие может быть по-разному отражено в зависимости от позиции автора и избираемой им структурной организации повествования.

Не вызывают возражений Рикёра и те онтологические допущения, которые возникают в процессе формулировки исторических предложений. Он вполне согласен с тем, что «неотменяемость» событий минувшего не означает отсутствия изменения перспективы его видения в связи с постоянным «прирастанием» прошлого за счет включения в него моментов актуально настоящего. Одновременно Рикёр солидаризируется и с консолидированной платформой Пирса – Данто относительно того, что история настоящего не может быть написана до тех пор, пока оно не станет для нас прошлым, «не обрстет» контекстом, ибо нам не дано взглянуть на настоящее из будущего.

Заслуга Данто, по Рикёру, состоит и в том, что в полемике с Кроче он доказал фактическую несостоятельность противопоставления истории и хроники [Рикёр 1998, 171–172]. Рикёр признает вполне сбалансированной и аргументацию Данто относительно того, что историк, организуя свой рассказ, сознательно выбирает определенные причинно-следственные связи, которые кажутся ему значимыми, и может различным образом соподчинять таковые в зависимости от избранной им точки зрения на определенный сюжет. Правда, предлагаемая Данто концепция исторического объяснения как имплицитно представленного в конструировании наррации, взаимосвязи «микро-» и «макро-наррации» не вызывает у него особого интереса. Все дело в том, что такого рода анализ кажется Рикёру излишне абстрактным, поскольку не учитывает подчиненности вопроса об экспликации релевантного эмпирического материала изначально заданному сюжетному началу, интриге, сопрягающей личность и действие в событийном контексте, композиции рассказа как целостности.

В целом положительно оценивая творчество Данто, Рикёр отмечает, что излишний акцент на анализе предложений, которыми ведется историческое повествование, порождает в качестве оборотной стороны невнимание к нарративной

целостности и многообразие лингво-семиотических способов его организации. «Вот почему, – заключает Рикёр, – создается впечатление, что логика повествовательного предложения не нуждается в понятии интриги или нарративной структуры, как если бы описание предшествующего события с точки зрения события последующего было уже интригой в миниатюре» [Рикёр 1998, 172]. Понимая нарратив как целостность, выстраиваемую сообразно с проблемой, которая решается его автором и диктует выбор событийной канвы, Данто, по справедливому замечанию Рикёра, не видит того, что сочетание повествовательных предложений само по себе автоматически еще не рождает единства сюжетной канвы, интриги и композиционного строя повествования. Именно эти компоненты важны, на его взгляд, для понимания не только словесно-образной, но и собственно познавательной стороны исторической наррации, ее родства с художественными аналогами, акцентированного У.Б. Галли, Л.О. Минком, Х. Уайтом, П.-М. Вейном и другими авторами.

При всех серьезных расхождениях с Данто в анализе исторической наррации, Рикёр, подобно ему, настаивает, что исторический нарратив репрезентирует свершившиеся события прошлого. В перспективе декларируемой им эпистемологической установки «критического реализма» историческое познание так или иначе, реконструируя и описывая минувшее при помощи понимаемого в духе Канта продуктивного воображения, сопряжено с трансляцией опыта истории. Конечно, сам характер репрезентируемых событий и процессов прошлого заставляет задуматься об их реальном статусе, о возможности референции наших высказываний о случившемся в минувшем к некоторым реалиям. Несуществование в актуальной форме того, что случилось, побуждает Рикёра к позитивной оценке концепции нарративной субстанции Анкерсмита как некоего мыслительно конструируемого образа (Ренессанс, Реформация, Великая французская революция и т.д.), на который автор исторического повествования проводит нарративные ссылки [Рикёр 2004, 391]. Такой ценой Рикёр спасает провозглашаемую им при разработке теории повествования критико-реалистическую стратегию.

Заключение

Сравнительный анализ концепций исторического повествования Данто и Рикёра при всем несовпадении их философских платформ обнаруживает и серьезное родство их позиций. «Дескриптивная метафизика» истории Данто, сфокусированная на рассмотрении исторических предложений как центрального звена наррации, в

ходе эволюции воззрений этого автора результировала в заключении о парадигмальности историописания и его экзистенциальной обусловленности. Теория исторического повествования Рикёра изначально выстраивается на герменевтической платформе в перспективе ассимиляции идей Хайдеггера и Гадамера. Одновременно Рикёр, воспринявший и переосмысливший идеи «лингвистического поворота», осуществленного Витгенштейном и его последователями, пришел к выводу о значимости аналитических средств изучения исторического повествования. Обратившись к «дескриптивной метафизике» истории Данто, Рикёр воспринял многие из его обобщений, но одновременно указал и на значимость осмысления сходства исторического и художественного повествования с точки зрения их формальной организации, сюжетного единства, интриги и композиции, задающих «рамочные условия» постижения и рассказа о случившемся во времени. Герменевтика Рикёра открывает значимую перспективу единства философского и лингво-семиотического изучения наррации как способа самопознания бытия человека в динамике времени и культурно-исторической традиции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ануфриева 2017 – *Ануфриева К.В.* А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского госуниверситета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 144–156.

Блауберг 2012 – *Блауберг И.И.* Предисловие // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–7.

Вдовина 2009 – *Вдовина И.С.* Феноменология во Франции. – М.: Канон+, 2009.

Данто 2002 – *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002.

Доманска 2010 – *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон+, 2010.

Кукарцева 2006 – *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.

Рикёр 1998 – *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга, 1998.

Рикёр 2004 – *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Рикёр 2008 – *Рикёр П.* Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

Ankersmit 2007a – *Ankersmit F.R.* Danto, History, and the Tragedy of Human Existence // Action, Art, History. Engagements with Arthur C. Danto / ed. by D. Herwitz and M. Kelly. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 175–190.

Ankersmit 2007b – *Ankersmit F. R.* Danto's Philosophy of History in Retrospective // *Danto A.* Narration and Knowledge. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 364–393.

Danto 1995 – *Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History / ed. by F. Ankersmit and H. Kellner. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–88.*

Danto 2007 – *Danto A. Narration and Knowledge. – N. Y.: Columbia University Press, 2007.*

Kearny 2004 – *Kearny R. Entre soi-même et un autre: herméneutique diacritique de Ricœur // M. Revault d'Allonnes et F. Azouvi (dir.). Paul Ricœur. – Paris: Éditions de l'Herne, 2004. P. 205–218.*

Ricœur 1981 – *Ricœur P. Hermeneutics and the Human Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*

REFERENCES

Ankersmit F.R. (2007a) Danto, History, and the Tragedy of Human Existence. In: Herwitz D. & Kelly. M. (Eds.) *Action, Art, History. Engagements with Arthur C. Danto* (pp. 175–190). New York: Columbia University Press.

Ankersmit F. R. (2007b) Danto's Philosophy of History in Retrospective. In: Danto A. *Narration and Knowledge* (pp. 364–393). New York: Columbia University Press.

Anufrieva K. (2018) A. Danto: Narration and Historical Worlds. *Tver State University Vestnik. Philosophy Series*. 2017. No. 2, pp. 144–156 (in Russian).

Blauberger I.I. (2012) Preface. In: Blauberger I.I. (Ed.) *Western Philosophy of the End of the 20th – Beginning 21st Century. Ideas. Problems. Trends* (pp. 3–7). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Danto A.C. (1995) The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History. In: Ankersmit F. & Kellner H. (Eds.) *A New Philosophy of History* (pp. 70–88). Chicago: University of Chicago Press.

Danto A.C. (2002) *Analytical Philosophy of History*. Moscow: Idea-Press (in Russian).

Danto A.C. (2007) *Narration and Knowledge*. New York: Columbia University Press.

Domanska E. (2010) *Philosophy of History after Post-modernism*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Kearny R. (1995) Entre soi-même et un autre: l'herméneutique diacritique de Ricœur. In: Azouvi F. & Revault d'Allonnes M. (Eds.) *Paul Ricœur* (pp. 205–218). Paris: Éditions de l'Herne.

Kukartseva M.A. (2006) The Linguistic Turn in History: Evolution, Essence, and the Main Principles. *Voprosy Filosofii*. 2006. No. 6, pp. 44–55 (in Russian).

Ricœur P. (1981) *Hermeneutics and the Human Sciences*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.

Ricœur P. (1998) *Temps et récit*. Vol. I. Moscow, Saint Petersburg: Kulturnaya initsiativa, Universitetskaya Kniga (in Russian).

Ricœur P. (2004) *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow: Izdatelstvo Gumanitarnoy Literatury (in Russian).

Ricœur P. (2008) *Soi-même comme un autre*. Moscow: Izdatelstvo Gumanitarnoy Literatury (in Russian).

Vdovina I.S. (2009) *Phenomenology in France*. Moscow: Kanon+ (in Russian).